

«жизнь,—говорили они,—вообще идетъ развиваюсь... Главное вліяніе имѣемъ мы—художники и поэты. Наше призваніе—учить людей, не зная чemu: художники-де и поэты учать безсознательно... Но скоро я понялъ, что въ своемъ самообольщениі мы не знали самаго главнаго,—что на самый простой и вмѣстѣ важный вопросъ жизни: что хорошо, что дурно—мы не умѣемъ найти никакого точнаго отвѣта...» И тамъ, и здѣсь мы видимъ, что авторы наши предпринимаютъ, въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, въ поискахъ за истиной, за вопросами добра и зла, работу, которую слѣдовало бы сдѣлать въ юности,—работу, благодѣтельную для ихъ личнаго, нравственнаго и умственнаго развитія, но въ то же время убивающую въ корнѣ ихъ способность къ прежней безсознательной творческой дѣятельности. Сколько, подумаешь, времени нужно было одному для того, чтобы только сдѣлаться «самимъ собою»—и, вѣдь, будь только иныхъ условія среды, окружавшей его молодость (онъ говорить, что онъ всегда оказывался одинокимъ каждый разъ, когда хотѣлъ сдѣлаться лучшимъ), и онъ бы могъ, давнымъ-давно покончивъ съ вопросомъ нравственнаго самовоспитанія—вопросомъ молодости прежде всего, а не зрѣлыхъ лѣтъ,—выступить на свое художественное поприще вполнѣ сознательнымъ, сформировавшимся «гражданиномъ земли своей», безъ этихъ уже помѣхъ субъективнаго свойства, лишившихъ насъ въ немъ такъ рано великаго художника. Сколько, съ другой стороны, несчастныхъ условій въ развитіи Гоголя! «Я, говорить онъ, получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и немудрено, что мысль объ ученьѣ пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать ихъ и скрывалъ всѣ свои занятія...» (т. 4, стр. 800—801). Но во всякомъ случаѣ, если все указанное и составляетъ потерю, то потерю, по-